

ВИКТОР

ВИЛИСОВ

**ПОС
ТЛ
ЮБО
ВЬ**

будущее человеческих
ИНТИМНОСТЕЙ

УДК 159.9

ББК 88.3

В44

Виктор Вилисов

В44 Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей/ Виктор Вилисов – Москва: АСТ, 2022. – 464 с. – (Лучшие медиа-книги)

ISBN 978-5-17-137036-7

Бывает так, что любовь заходит в тупик у двух-трех человек. А бывает так, что любовь, секс, близость и дружба заходят в тупик сразу у многих, у целых обществ; так случается, когда целые институты и государства предлагают гражданам закрывать глаза на изменения в мире, предлагают думать, что в отношениях между людьми есть нечто неизменное, и жить, будто на дворе вечный 19 век. В России, как и во многих других местах, любовь точно зашла в тупик; некрополитики прошлого и настоящего населяют публичную сферу священными призраками и затыкают разговор о живых человеческих телах, многообразии их форм и отношений между ними. В результате - меньше осмысленных отношений, приносящих радость и устойчивость всем сторонам, — и больше насилия.

Люди объясняются в любви, но сама любовь остается без объяснения. На месте традиций нарывамя возникают вопросы: кому на самом деле нужна семья, почему дружба как бы менее ценна, чем любовь, кто хочет, чтобы горожане были счастливыми, кем определяется счастье, почему любовь считается обязательной для всех и почему сотням миллионов людей отказывается в праве на нее, почему интимности — это личное право каждого и почему это плохо, причем тут устройство города, потоки миграции, фармакология, государственный аппарат, разделение труда, климатический кризис, производство мобильной техники, дроны и коралловые рифы.

УДК 159.9

ББК 88.3

ISBN 978-5-17-137036-7

© Виктор Вилисов, текст, 2022

© Алена Салманова, макет и обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

содержание

после любви⁵

внимание со стороны¹¹

держаться себя в руках¹³

быть нормальными²⁷

быть счастливыми³⁷

сиблинги-убийцы⁴⁹

патриархат⁵²

капитализм⁷⁴

текущие границы⁸⁹

изобретение гетеросексуальности⁹¹

биополитика гендера⁹⁷

100% женщины¹⁰⁹

хроники гетеропессимизма¹²²

гендер-шоу¹³⁷

техники (любящего) взгляда¹⁴⁵

любовь¹⁷³

аматонормативность¹⁸⁰

тирания близости¹⁸⁵

жестокий оптимизм²⁰⁰

секс²¹⁵

либидинальная экология²¹⁷

секс, или невыносимое²³⁰

мутации желаний²³⁷

культуры несогласия²⁴⁷

миграция²⁵⁷

семья²⁹¹

самое опасное место²⁹³

родная кровинушка³¹⁰

дети-киборги³¹⁵

киншип³³⁰

и другие технологии³³⁹

в интернете знают, кто мне нравится³⁴¹

магическое мышление³⁴⁹

критическая теория технологий³⁵⁵

как фотоны трогают себя³⁶²

таблетки и порошки³⁷⁴

теория Q³⁸³

генеалогия квира³⁸⁵

провал³⁹²

время³⁹⁶

утопии⁴⁰¹

сцены насилия и дружбы⁴⁰⁵

может быть жестокой⁴⁰⁷

заговор против мужчин⁴¹⁹

и больше не дерись⁴²⁷

где мы⁴³⁷

в городе⁴³⁹

на окраине⁴⁵⁶

избранная библиография / благодарности⁴⁵⁹

после любви

Сейчас 17:46, понедельник, я пересматриваю док про конверсионную терапию, — это когда из человека с гомо или бисексуальными предпочтениями пытаются сделать гетеросексуала. Сторонники и практики конверсионной терапии уверены, что это «психическое отклонение, вызванное дефицитом гендерной идентичности», можно скорректировать через психотерапию, изучение библии или другие способы, включающие в себя, например, вызов тошноты при просмотре гомо-эротических видео. Док заканчивается титром, сообщающим, что около 700 тысяч человек прошло через те или иные виды конверсионной терапии в США, а национальные опросы показывают, что сексуально неконформные подростки, прошедшие через неё, более чем в два раза чаще предпринимали попытки самоубийства. Одним из крайних проявлений конверсионной терапии для людей в ЮАР, Индии и других регионах стали корректирующие изнасилования. Родители ведут своих детей на репаративную терапию и заказывают corrective care, потому что любят их и хотят, чтобы они были счастливы. Сара Ахмед в книге *The Promise of Happiness* показывает, как счастье одного человека становится условием счастья другого, смывая грань между счастьем и насилием.

Многие вещи исходят из состояния, называемого любовью: от заботы и защиты до stalking, побоев и убийств; от хукапов — неловких или заряжающих воображение — до формирования нуклеарных семей, действительная цель которых, по мнению Вильгельма Райха (и многих других социальных исследователей), — воспроизводство пассивного типа личности и закрепощение женщин. Несмотря на очевидную дисфункциональность огромного процента нормативных отношений, существующих сегодня между влюблёнными и близкими людьми, любовь продолжает быть чем-то автоматически подразумеваемым для всех вообще. Люди объясняют в любви, но сама любовь остаётся без объяснения.

после любви

Такая неуловимость создаёт пространство больших злоупотреблений. Устойчивое понятие о любви, сексе и близости как о неопределяемой силе, естественной потребности человека, которая сама собой разумеется, — способствует только большой слепоте; как будто эта сила существовала всегда и не меняется, как будто она по умолчанию хороша, потому что а- или даже внеполитична: от любой мирской суеты можно укрыться под покровом любви и она исцелит и очистит. Но в близостях нет ничего внеполитичного: они функционируют на ландшафте многих пересекающихся неравенств и постоянно контролируются государствами и обществами; и, конечно, они всё время меняются.

Кваме Энтони Аппиа в книге *The Honor Code* предлагает теорию моральных революций: как общества отказываются от укоренённых в истории практик, которые больше не совместимы с их понятием о моральности, — типа дуэлей, рабства или закидывания людей камнями. В нонфикшене слишком часто пишут, что человечество стоит на пороге разного рода прорывов и революций, и хотя в нашем случае это действительно так, важнее сказать, что человечество (медленно и неравномерно) прямо сейчас проходит через нормативный коллапс. Какого характера будет моральная революция, к которой этот коллапс может привести, — далеко не так очевидно, как может казаться технооптимистам, считающим, что раз раньше дочерей насильно выдавали замуж родители, а теперь у нас есть Feeld, то всё в порядке и свобода выбора будет только укрепляться. Человеческая интимность прямо сейчас — результат отказа от многих насильственных и рудиментарных практик, составляющих интимность прошлого; но, во-первых, далеко не все рудименты отброшены, а во-вторых, на горизонте уже маячат постчеловеческие интимности — способы любить и быть рядом (равно как и не-любить и быть далеко), которых не существовало никогда.

Интересно не что такое любовь, а что она делает, что остаётся после неё, что приходит ей на смену, чем заполняются места, где её нет и как среди всего этого сориентироваться. Изменения в способах производства жизни и повседневности, технологическая акселерация, климатический кризис и то, как мы сегодня обмениваемся информацией, — всё это провоцирует вопросы, некоторые из которых совсем новые, а некоторые — висят неотвеченными по 200-300 лет: что делать с дикпиками, почему люди всё чаще разводятся, зачем люди женятся, почему женщин убивают дома в три раза чаще, чем на улицах, почему отношения стали скучными, что будет, если легализовать секс-работу, зачем государства хотят, чтобы мы были счастливыми, нужна ли приватность, кто первый кладёт трубку, как продолжение рода зависит от коралловых рифов, в каких отношениях тело находится с городом и как архитектура влияет на желание и программирует встречи, какой углеродный след у вашего либидо, зачем нужны семьи, кто решает, какими будут секс-игрушки, может ли дружба заменить любовь, когда подешевеют секс-роботы, что такое природа сегодня и знаем ли мы границу между органическим и технологическим, сколько бигфарма зарабатывает на выдуманных сексуальных расстройствах, как нам поможет магическое мышление, зачем государству знать наш пол, действительно ли мы понимаем, что такое мужчина и женщина, существует ли вообще сексуальная ориентация, почему трудовые мигранты бросают своих жён, как флиртовать после #metoo, почему любовь это дрон, какое будущее у насилия, кто защитит квир-ребёнка, может ли человек полюбить лишайник, куда делась публичная сфера, каков секс у людей с инвалидностью, этично ли разрабатывать таблетку против любви, как себя чувствуют биологические дети от трёх родителей, как себя чувствуют трансотцы после родов, как смотреть на персону, которую любишь, как дружить политически, как быть киборгом, как капитализм

вызывает эпидемию депрессий и неврозов, как знакомиться, если ты незрячий, как быть женщиной в мизогинном мире, как быть квиром, где находится дом и кто решает, что может происходить в городе, зачем людей заставляют любить и трахаться, как найти время на заботу, если работаешь пять дней в неделю, — и многие другие.

внимание со стороны

держатъ себя в руках

В 2016 году я весь июнь пролежал в психиатрической больнице, чтобы отнести в военкомат справку с легким расстройством личности, забрать военник и переехать. Это была больница в двадцати километрах от города с интересным режимом: телефоны выдавали раз в неделю на двадцать минут, душ тоже был раз в неделю, редкие прогулки, ужасная еда, подростки в психотическом лимбе; по какой-то причине всякий мелкий стафф типа крема для рук или капель нельзя было хранить в палате, а нужно было оставлять в шкафу сестринской и брать только с разрешения. Однажды мне понадобились какие-то капли, а медсестра не хотела отвлекаться от заполнения журнала, просто повернуть голову и проконтролировать, что я точно беру именно свои капли, и пробурчала, чтобы я ждал; мне это показалось прямо диким, я открыл шкаф, взял капли и стал их закапывать; медсестра вскочила и стала ругаться, что я «неуправляемый»; конечно, этому предшествовала уже двухнедельная история моих нарушений порядка, но формулировка мне запомнилась.

Тем, как мы обустроиваем свою повседневность и строим планы, всё время пытаются управлять государства, общества, комьюнити, технологические корпорации и другие акторы. Даже если нам кажется, что мы различаем их контроль и сами совершаем выбор, — соображения, которыми мы руководствуемся, могут быть навязанными, а категории, которые кажутся естественными и сами собой разумеющимися, — могут быть хлипким конструктом из ложных предпосылок. С оформлением сексуальности как отдельной сферы в конце 19 века интимные отношения стали одной из главных точек контроля государствами и социальными институтами. В любви и близостях нет ничего универсального или «естественного»; те способы делить время и пространство, определять себя и относиться к людям, которые сегодня понимают под любовью, состоят из набора действий, сценариев, ритуалов и выборов; для разных сообществ и регионов они существуют в разных конфигурациях и всё время меняются. Эти элементы поведения в обществах ранжируются по степени допустимости, обуславли-

внимание со стороны

вая и встраиваясь в существующие иерархии. Человек сегодня — это, среди прочего, место пересечения разнообразных векторов давления и контроля. Чтобы решить, как любить и как быть вместе в меняющемся мире, для начала неплохо понять, какие силы регулируют и регламентируют эти отношения сейчас.

В 1990 году Жиль Делёз опубликовал короткий текст *Postscript on the Societies of Control*, в котором наметил контуры «обществ контроля», приходящих на смену «дисциплинарным обществам» Мишеля Фуко. Последний описывал систему социального управления, проводящую тела людей через цепочку закрытых учреждений — семью, школу, казарму, фабрику, госпиталь или тюрьму. Каждое из них вынуждало человека начинать жизнь заново и отрицало предыдущее, хотя все они были связаны общей логикой стадийности и дисциплины. Через это, а также через отказ от публичных казней и переход от физических наказаний к лишению свободы властный режим выстраивал упорядоченное общество из зафиксированных на определённых местах тел, используемых для повышения продуктивности индустриального производства. При этом власть начала растворяться, делаясь, с одной стороны, неуловимой для проверки, а с другой — неразличимой, что приводило к интернализации дисциплины членами общества: усваивая неотвратимость наказания, люди начинали управлять сами собой спущенными сверху нормами. Эта система контроля в западных обществах была наглядной на протяжении 18 и 19 века, а уже после Второй Мировой, пишет Делёз, «общество дисциплины было тем, чем мы уже не были». Теперь все эти институции: тюрьма, больница, фабрика, школа, семья — находятся в затажном кризисе и, несмотря на обещание их реформ и вообще реформу как обещание, мы понимаем, что это зомби-структуры и остаётся только держать людей трудоустроенными, пока новые силы — общества контроля — не появятся на пороге. Эти новые силы осуществляют управление иначе: точки начала и конца в индивидуальной жизни либо размыты, либо не существуют вовсе; на смену фабрике приходит корпорация, которой не нужна изолированность: наоборот, её интерес в том, чтобы про-

никнуть на разные уровни некогда закрытых институций: в лечение, в образование, в государственное управление. В 90-м году, на заре глобального интернета, Делёз описывает процесс рассредоточения власти, приводящий к ещё большему её растворению и интернализации членами обществ. Частью этого процесса является усиление бюрократии как структуры, где невозможно найти ответственных.

Он связывает эти процессы с мутациями капитализма в неолиберализм (хотя конкретно это слово он не употребляет). Делёз буквально называет деньги точкой, в которой наглядно видна разница между обществами дисциплины и контроля — первое апеллирует к устойчивому курсу золота, второе — к плавающему курсу обмена. Глобальная акселерация неолиберализма стала в социальных науках одним из общих знаменателей, исходя из которого анализируются общественные динамики. Его дисперсность и неуловимость идёт синхронно с растворением власти; в публицистике на темы режимов капитализма это один из расхожих тропов: якобы его повсеместность и способность включать в себя даже жесты, направленные против него, делает почти невозможной борьбу с ним. Те же процессы с другой стороны описывает, например, Зигмунт Бауман в книге «Текущая современность». Уход от фиксированных границ внутри обществ к свободно протекающему через тела неолиберализму с его коммодификацией всего, по Бауману, приводит к уничтожению ригидности общества и связей внутри него. «Процесс плавки твёрдых тел» обнажает социальную структуру и делает отношения между людьми уязвимыми, безоружными перед гибкими правилами капитализма. Бауман цитирует Томаса Карлайла, предлагавшего «из многих уз, лежащих в основе человеческих отношений и взаимных обязанностей, оставить только денежные отношения». Звучит как липкий кошмар, но в неолиберальных обществах произошло ровно это.

В качестве идеальной архитектуры дисциплинарных обществ Фуко приводит паноптикон, «проект идеальной тюрьмы» Джереми Бентама: в ней власть может осуществлять дисциплину, оставаясь анонимной. Бауман же цитирует социолога Томаса Матисесна,